

на меня, тогда быть можетъ, если я захочу, я смилуюсь надъ какимъ-нибудь изъ этихъ рабовъ и осчастливорю его своимъ согласіемъ,—а пока я еще свободна, совсѣмъ свободна.

20-го Апрѣля.

Сегодня я была въ саду; былъ тихій, прекрасный весенній вечеръ. Собственно говоря, это даже еще не былъ вечеръ, потому что день еще не окончился; солнце еще кидало свои послѣдніе лучи на едва покрытыя зеленью деревья; пчелы еще заботливо жужжали, кружась вокругъ недавно появившихся бутоновъ; веселыя птички еще щебетали вокругъ моей головы. Въ воздухѣ было тихо, и только издали явственно доносился на нашу спокойную улицу шумъ большого города. На всемъ окружающемъ лежалъ какой-то необъяснимый отпечатокъ грусти, и невольно у меня явилось такое грустное настроеніе, что я, веселая, легкомысленная барышня, готова была заплакать, сама не знаю, отчего. Да, мнѣ такъ часто и такъ много говорили о моемъ легкомысліи и рѣзвости, упрямствѣ и своеволии, что я сама готова была этому повѣрить. Но иногда, очень рѣдко, въ подобныя тихія минуты какъ сегодняшній вечеръ, на меня находило сомнѣніе, дѣйствительно ли я такая, и мнѣ казалось тогда, что и въ моей душѣ живетъ чувство самоотверженія и любви къ ближнему, что и у ме 1